

Р. Я. Денисова

ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ СТРУКТУРЫ ОБЩЕСТВА

(по данным могильника эпохи бронзы)

В последние годы в советской этнографической литературе большое внимание уделяется реконструкции истории первобытного общества, структуры его социальных институтов и их эволюции. Эти исследования, основанные на огромном этнографическом материале самых разных племен и народов, отличаются высоким теоретическим уровнем. Дискуссии, посвященные широкому кругу вопросов социальной истории первобытного общества, получившие отражение на страницах журнала «Советская этнография», в значительной мере активизировали дальнейшие исследования в этой области. Появился ряд серьезных публикаций, посвященных реконструкции хозяйственного уклада и социальной структуры древних племен на археологическом материале¹. Антропологический же материал в подобных исследованиях практически не привлекался, хотя он, несомненно, содержит определенную долю информации, которая вместе с палеодемографическими и археологическими данными позволяет раскрыть многие стороны социальной структуры древних обществ, чего нельзя сделать на одном лишь археологическом материале.

Наша попытка реконструкции основана именно на таком комплексном подходе с использованием всех возможных антропологических и археологических данных полностью исследованного Кивуткалнского могильника эпохи бронзы.

Эпоха бронзы на территории Латвии связывается с окончательным переходом к производящей форме хозяйства и дальнейшему ее развитию в условиях лесной зоны. В этот период население на изучаемой нами территории занималось земледелием и скотоводством, а также рыболовством и охотой. Это та модель хозяйственной деятельности, которая была характерна для периода смены присваивающего хозяйства производящим у населения всей лесной зоны Европейской части СССР.

Кивуткалнский могильник, датируемый последней четвертью II тысячелетия до н. э. расположен в низовье Даугавы. Две крупные реки — Даугава и Лиелупе — вместе с Рижским заливом, куда они впадают, по-видимому, являлись древними водными путями, по которым завязывались контакты и шло переселение различных по происхождению племен, обусловившее неоднородный этнический и антропологический состав населения на этой территории.

Археологическими раскопками на Кивуткалнском грунтовом могильнике вскрыто 238 погребений с трупоположением². Нами учтено еще 10 разрушенных погребений, в результате чего общее число погребенных, для которых определены пол и возраст, составляет 240 индивидуумов, среди которых 134 взрослых в возрасте от 18 до 60 лет (55,8%), 106 — подростки и дети (44,2%). Среди взрослых индивидуумов преобладают мужчины — 92 погребения (68,7%), 42 погребения — женские (31,3%). Возраст подавляющего большинства детей — до 7 лет, что по отношению к общему числу детей (до 14 лет) составляет 82,5%. Из всех 134 погребений взрослых индивидуумов краниологический материал сохранился в 79 могилах, что в целом составляет 60% и является доста-

¹ Отметим некоторые из опубликованных работ: Проблемы истории докапиталистических обществ. Кн. I. М.: Наука, 1968; Первобытное общество. Основные проблемы развития. М.: Наука, 1975; Массон В. М. Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии). Л.: Наука, 1976; Итина М. А. История степных племен Южного Приаралья (II — начало I тысячелетия до н. э.). — Тр. Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. М.: Наука, 1977, с. 211—228; Ранние земледельцы. Л.: Наука, 1980; История первобытного общества. Общие вопросы. Проблемы антропосоциогенеза. М.: Наука, 1983.

² Помимо трупоположений в 20 случаях выявлены погребения с трупосожжением в разных частях могильника, которые нами здесь не анализируются.

точно представительной выборкой, позволяющей судить об антропологическом составе кивуткалнской популяции.

Для анализа структуры общества, оставившего Кивуткалнский могильник, мы привлекли половозрастные данные о погребенных, сведения о микротопографии могильника, краниологический материал, а также некоторые археологические данные о погребальном обряде.

Коротко остановимся на погребальном обряде. В Кивуткалнском могильнике умерших хоронили в дубовых колодах, в подавляющем большинстве в вытянутом положении на спине, чаще головой на восток, иногда на запад, с вытянутыми вдоль туловища, реже согнутыми в локтях руками. Нередко в могильной яме, по бокам дубовой колоды или на концах ее находились камни. В некоторых погребениях у изголовья или в ногах имеются каменные выкладки, которые только в редких случаях покрывают полностью дубовые колоды. На дне могильной ямы во многих погребениях обнаружена подсыпка из белого песка. Погребения весьма бедны сопровождающим инвентарем. Только в отдельных могилах лежали черепки сосудов, фрагменты бронзовых изделий, немногочисленные янтарные украшения, кости домашних животных. Единственная находка, которая сравнительно часто встречалась в женских и мужских погребениях,— костяная булава, по-видимому, скреплявшая одежду преимущественно на плече, реже на груди.

Обратимся вначале к антропологическим данным. Кивуткалнская краниологическая серия, суммарный анализ которой был уже принят ранее³, обратила на себя внимание по двум причинам. Во-первых, суммарно мужская и суммарно женская серии черепов различались по своим антропологическим особенностям; во-вторых, у мужского населения, представленного погребениями могильника, был выявлен несвойственный предшествующим по времени неолитическим племенам Латвии узколикий антропологический тип. Дальнейший внутригрупповой анализ кивуткалнской краниологической серии в свою очередь показал неоднородный антропологический состав в мужской и женской частях серии.

В силу ограниченного объема статьи мы вынуждены опустить подробный статистический анализ, который был предпринят нами для оценки антропологического состава кивуткалнской популяции; отметим лишь, что был использован факторный анализ⁴. Особенности размещения характеристик мужских и женских черепов в двухфакторном пространстве позволили как у одних, так и у других выявить отдельные группы черепов, различающиеся по антропологическим особенностям. Дальнейший анализ этих групп показал их связь с определенными элементами погребального комплекса. Так, часть мужских черепов обнаружена в погребениях, где на дне могильной ямы обязательно присутствует в качестве подсыпки белый песок. Есть две группы таких погребений — с восточной и с западной ориентировкой погребенных, локализованные на двух разных территориях могильника. Третья группа мужских черепов связана с погребениями, где отсутствуют камни, белый песок и костяные булавы. Четвертая группа найдена в погребениях, в могильной яме которых часто встречаются камни.

Три группы женских черепов связаны соответственно с погребениями, где обнаружены камни, или костяные булавы, или только белый песок.

Иногда в погребениях присутствуют все названные элементы одновременно (белый песок, камни, костяные булавы); чаще все же они представлены попарно (камни и белый песок, белый песок и костяные булавы, значительно реже костяные булавы и камни). Но нередко встречаются погребения, где представлен только один из упомянутых элементов погребального комплекса. На первый взгляд сочетание эле-

³ Денисова Р. Я. Антропология древних бадтов. Рига: Зинатне, 1975, с. 123—148.

⁴ См. об этом: Дерябин В. Е. Многомерная биометрия для антропологов. М.: Изд-во МГУ, 1983, с. 67—105.

ментов погребального комплекса имеет достаточно мозаичный характер. Однако рассчитанные нами коэффициенты встречаемости⁵ элементов погребального комплекса показали определенную закономерность в их сочетании, имеющую в мужских и женских погребениях противоположную направленность. Антропологические типы в женских погребениях обнаруживают практически полное соответствие отдельным элементам погребального комплекса — наличию в погребениях костяных булавок, или камней, или только белого песка. Таким образом, по названным элементам можно четко дифференцировать антропологическую принадлежность женщин; другими словами, каждый антропологический тип женщин соответствует «своему» элементу погребального комплекса. В мужских же погребениях подобное соответствие между антропологическими особенностями погребенных и наличием в них основных элементов погребального комплекса выявляется не столь отчетливо и не всегда. Среди них довольно часто встречаются могилы с одновременным наличием трех или двух компонентов, а антропологические особенности погребенных указывают скорее на метисационный процесс.

Предпринятая попытка выявить на территории могильника локализацию погребенных по антропологическим признакам в связи с определенными особенностями погребального комплекса дала положительный результат. В пределах каждой группы был проведен также анализ положения рук и скелета погребенных. Все это в совокупности позволило выявить следующие группы.

Одна группа мужских могил, в которых ни камни, ни белый песок, ни костяные булавки не обнаружены, локализована в юго-восточной части могильника (X, XIII раскопы — см. рис. 1, на котором показаны общий вид и топография кивуткалнского могильника). У погребенных здесь мужчин руки согнуты в локтях (92%), ноги или туловище спеленуты, а костяк скорчен (40%). Они обладают удивительным антропологическим единообразием: массивным черепом, крайне большим продольным диаметром (197 мм), гипердолихокранией (черепной указатель — 68,3), очень узким (126 мм) и резко профилированным в горизонтальном сечении лицом. Выявляющаяся здесь незначительная внутrigрупповая вариация значений основных измерительных признаков и повторяющиеся сходные морфологические признаки в группе позволяют предполагать родственные связи между погребенными в этой части могильника.

Вторая группа мужских погребений локализована на северо-востоке могильника (преимущественно в IX, XII раскопах). Погребения ориентированы на запад (рис. 1). Здесь ни разу не встретились костяные булавки и отсутствуют камни, но достаточно часто встречается белый песок, руки нередко согнуты в локте (73%).

Третья группа мужских погребений, в которых обнаружен только белый песок, имеет восточную ориентировку и занимает преимущественно западную часть могильника (рис. 1)⁶. Здесь преобладает вытянутое положение рук (67%) и скелета (72%). Антропологический тип мужчин, представленный двумя последними группами погребений, имеет много общего и характеризуется грацильным строением черепа, средней величиной продольного диаметра (190 мм), долихокранией и узким лицом (128—129 мм).

Четвертая группа мужских погребений характеризуется наличием в могильной яме камней и в подавляющем большинстве случаев белого

⁵ Расчет сделан по работе: Федоров-Давыдов Г. А. О статистическом исследовании взаимовстречаемости признаков в археологических комплексах. — В кн.: Статистико-комбинаторные методы в археологии. М.: Наука, 1970.

⁶ В определении основной территории погребений с белым песком нами не учитываются более поздние аналогичные погребения на территории «детского кладбища», а также те погребения с белым песком, которые выявлены в компактной группе, очевидно, одновременных захоронений на границе IX и X раскопов.

Рис. 1. Кивуткальский могильник: I—XIII — порядковые номера раскопов; A—U — погребения с трупосожжением; 1 — погребения с западной ориентацией; 2 — погребения с подсыпкой из белого песка на дне могилы (но без камней и костяных булавок); 3 — юго-восточная группа погребений; 4 — компактные группы детских погребений; 5 — компактные группы мужских, женских и детских погребений; 6 — пол и возраст погребенного не определен; цифры 1—236 (в контуре) обозначают номер погребения

песка. Эта группа не имеет строгой локализации на территории могильника. Погребения расположены преимущественно в центральной и западной его части. Все погребенные в отличие от предыдущих групп имеют только вытянутое положение костяка, руки в большинстве случаев вытянуты вдоль туловища (83%). Антропологическое своеобразие мужчин, представленных этой группой погребений, заключается в выявляющейся у них неоднородности типа. На это, очевидно, указывает и наличие в их погребениях наряду с камнями и белого песка. Узколицый грацильный антропологический тип выявлен у мужчин из погребений с наличием только белого песка. Второй же тип характеризуется массивным строением черепа, крупными его размерами и широким лицом (136 мм).

Этот второй тип отчетливо представлен у женщин, в погребениях которых обязательно присутствуют камни. Как уже отмечалось, в пре-

делах женских погребений выявляется полное соответствие каждого антропологического типа «своему» элементу погребального комплекса.

Группа женщин, в могильной яме которых всегда присутствуют камни, а нередко и белый песок, характеризуется очень крупным продольным диаметром черепа (184 мм), умеренной долихокранией, очень широким (128 мм) и профилированным в горизонтальном сечении лицом. Вторая группа женщин, в погребениях которых всегда обнаруживаются костяные булавы, принадлежит к совсем иному антропологическому типу: небольшой продольный диаметр (179 мм), мезокранная форма черепа, тоже широкое (126 мм), но уплощенное в горизонтальном сечении лицо. Ближайшие аналогии антропологическим типам этих двух женских групп имеются в местном неолитическом населении Латвии — у племен нарвской культуры и племен культуры гребенчато-ямочной керамики, с которыми они, вероятно, связаны генетически. Эти две группы погребений не имеют определенной локализации, а рассредоточены по всей территории могильника.

Третья группа женских могил представлена погребениями, в которых обнаружен только белый песок. Антропологический тип этой группы женщин сходен с антропологическим типом мужчин из аналогичных погребений (только с белым песком) и характеризуется в отличие от предыдущих двух женских групп узким лицом и грацильным строением черепа.

Перейдем теперь к рассмотрению организации общества населения, оставившего Кивуткалнский могильник.

Мужские группы погребенных (различающиеся антропологически, характерными чертами погребального обряда, присущими каждой группе, и расположенные на определенной территории могильника), по-видимому, являются представителями отдельных родовых общин. Единый антропологический тип в пределах каждой группы, возможно, указывает на определенное родство внутри групп, позволяющее рассматривать их как локализованные части отдельных родов. Такое предположение кажется наиболее вероятным по отношению к юго-восточной группе погребенных.

Значительные различия в антропологическом типе мужчин и женщин кивуткалнской популяции указывают на принадлежность мужа и жены к разным родовым общинам, т. е. на наличие экзогамии.

Отсутствие среди женских погребений строгой локализации соответственно их антропологическому типу или погребальному обряду, а также наблюдаемая среди них четкая антропологическая дифференциация без видимых следов метисации свидетельствуют о том, что женщины здесь пришлые и представлены в первом поколении. Это в свою очередь указывает на патрилокальное брачное поселение. Выявляющаяся у части мужского населения метисация, очевидно, свидетельствует о том, что дети — мальчики от смешанных экзогамных браков оставались в своих родовых общинах, куда впоследствии и приводили своих жен.

По-видимому, родовые общины жили отдельными поселениями неподалеку друг от друга, что облегчало брачные связи. Можно также предположить, что общины были разной этнической принадлежности.

Экзогамия представляет особый интерес для понимания этнических процессов, изучаемых на краниологическом материале отдельных могильников. Если экзогамные брачные связи происходят в однородной антропологической и этнической среде, то физический состав и этническая принадлежность населения остаются неизменными. Однако на территориях, где граничат этносы, различающиеся по своему антропологическому составу, экзогамные браки являются фактором смешения, способствующим образованию метисных антропологических типов. Основываясь на этом, мы вправе ожидать в смежных областях расселения различных этносов (часто различающихся и антропологически) неоднородный антропологический состав у мужчин и женщин, погребенных в одном могильнике.

Кивуткалнский могильник как раз и указывает на существование в

низовье Даугавы в эпоху бронзы весьма неоднородного этнического состава населения, где экзогамные брачные связи были основным фактором смешения, способствуя ассимиляции одного этноса другим и образованию в пределах отдельных родовых общин метисных антропологических типов. Именно так можно объяснить антропологическую неоднородность в пределах одного этноса или, наоборот, появление единого антропологического состава у смежных популяций, различающихся антропологически и этнически в результате метисации.

Смешение, которое отчетливо прослеживается на примере Кивуткалнского могильника, по-видимому, не происходило между аборигенным населением — племенами, «этническими символами» которых являлись в одном случае камни, в другом — костяные булавки. Скорее можно предположить брачные связи и тех и других с пришлым узколицым населением. Полностью выявить картину брачного партнерства по имеющимся в нашем распоряжении данным не представляется возможным. Но достаточно отчетливо выявляется брачная связь между членами общин, «этническими символами» которых были камни и белый песок и теми, «символом» которых были костяные булавки (потомки племен культуры гребенчато-ямочной керамики), и с общинами, погребальной традицией которых являлось пеленание ног и туловища. В целом же пришлое узколицее население, по-видимому, выступало в качестве этнически объединительного фактора, так как белый песок, употреблявшийся в качестве подсыпки на дне могильной ямы, является доминирующим «этническим символом» в погребениях могильника.

Можно предположить, что Кивуткалнский могильник закладывался в период, когда между пришлым узколицым населением (белый песок) и аборигенными племенами (камни) установились прочные брачные связи, т. е. во втором или третьем поколении, так как в группе погребений с белым песком и камнями в могильной яме (свидетельствующими о процессе этнической интеграции), обнаружен метисированный антропологический тип, составляющие компоненты которого вычленишь крайне трудно.

Анализ расположения погребений на территории могильника позволил выявить одну весьма важную закономерность в их топографии — раздельное захоронение мужчин и женщин. Отдельные площади могильника содержат только мужские или только женские захоронения. Случаи расположения рядом мужского и женского погребений, которые можно было бы рассматривать как захоронения супружеской пары, встречаются крайне редко. Они обнаружены только в двух компактных группах погребений (II и IX, X раскопы), которые, очевидно, являются одновременными захоронениями или погребениями с небольшим временным интервалом (рис. 2). На первый взгляд это не согласуется с той картиной раздельного захоронения мужчин и женщин, которая отчетливо прослеживается на других участках могильника. Однако, если внимательно присмотреться к расположению мужских и женских погребений, то можно увидеть нерегулярные ряды мужских и женских погребений, ориентированные как бы с северо-востока на юго-запад таким образом, что восточная часть IX раскопа заполнена мужскими погребениями, западная — женскими. Можно предполагать, что IX раскоп представляет собой наиболее древнюю часть могильника. Здесь отчетливо прослеживается раздельное захоронение мужчин и женщин. Позже, с расширением могильника, женщин стали хоронить в южной и западной его части.

Основываясь на том, что для могильника не характерны парные разновременные, а также семейные группы разнополых и разнопоколенных захоронений (выявлены только могилы с раздельным погребением мужчин и женщин), можно предположить, что семья в изучаемых нами родовых общинах характеризовалась слабыми внутренними связями.

Исследователи первобытного общества обычно соотносят слабые внутрисемейные связи с парной семьей⁷. Изучение на большом этногра-

⁷ См., например: *Файнберг Л. А.* Возникновение и развитие родового строя. — В кн.: *Первобытное общество. Основные проблемы развития.* М.: Наука, 1975, с. 71, 78;

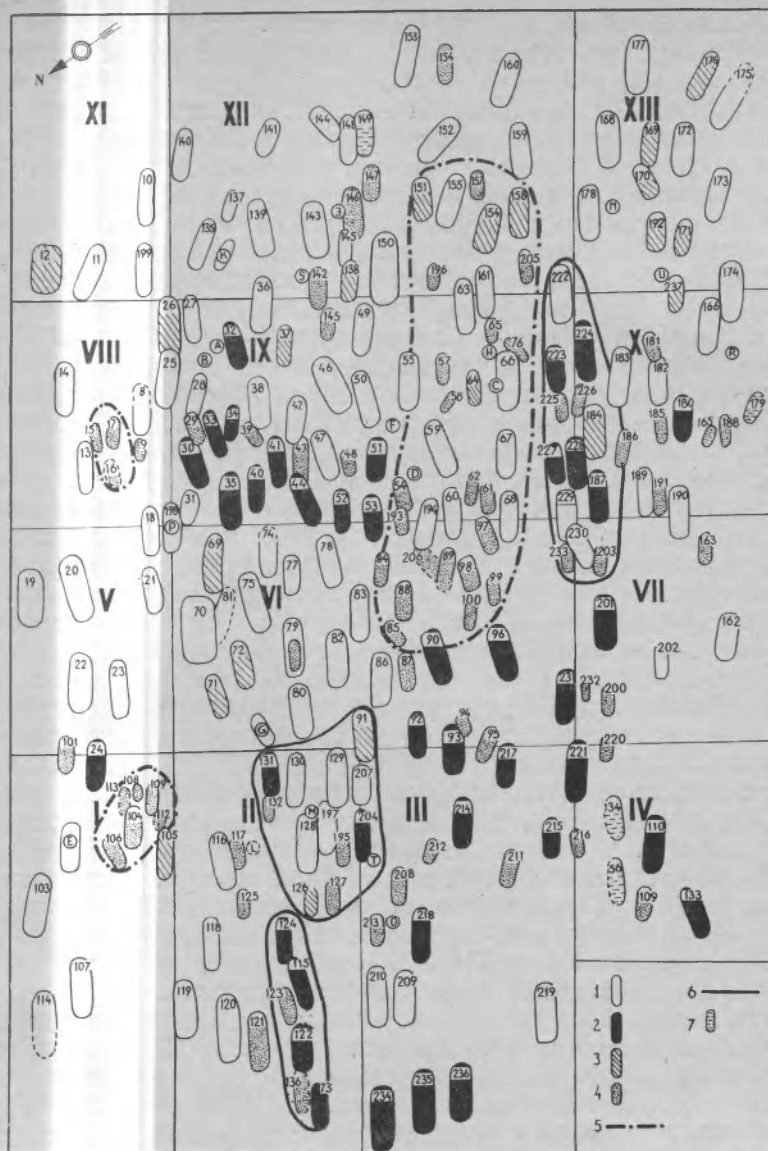

Рис. 2. Кивуткальский могильник: I—XIII — порядковые номера раскопов; A—U — погребения с трупосожжением; 1 — мужские погребения; 2 — женские погребения; 3 — погребения подростков; 4 — детские погребения; 5 — компактные группы детских погребений; 6 — компактные группы мужских, женских и детских погребений; 7 — пол и возраст погребенного не определен; цифры 1—236 — (в контуре) обозначают номер погребения

фическом материале семьи в обществе ранних земледельцев позволило раскрыть взаимоотношения в парной семье на фоне противоречий между родом и семьей и тем самым лучше понять закономерности социальных связей в обществе ранних земледельцев⁸.

В родовых общинах ранних земледельцев брачные узы были слабее кровнородственных связей. Основной задачей постоянной части родовой общины (в нашем случае мужчин) являлось жизнеобеспечение общины — коллективный труд (без которого ее существование было невозможно), защита земли, соблюдение религиозно-обрядовых норм. Все это укрепляло кровнородственные связи в ущерб семейным. Основной же

Бутинов Н. А. Общинно-родовой строй мотыжных земледельцев (по материалам Новой Гвинеи и Северо-Западной Меланезии). — В кн.: Ранние земледельцы. Л.: Наука, 1980, с. 110—143.

⁸ Бутинов Н. А. Указ. раб., с. 143.

функцией парной семьи являлось воспроизведение потомства, а в конечном итоге — поддержание численности родовой общины. Однако дети, которые обычно цементируют семьи, с парной семьей были связаны только в раннем детстве. Мальчики-подростки в период инициаций отчуждались от матерей и женщин вообще, обретали новый социальный статус и вступали в общество мужчин, вливались в свой род⁹. Девочки же нередко уже в подростковом возрасте вступали в брак¹⁰.

Из всего сказанного понятно, насколько слабыми были семейные узы в парной семье. По нашему мнению, последовательно соблюдаемая традиция раздельного погребения мужчин и женщин коллективами, хоронившими своих близких на Кивуткалнском могильнике, указывает на существование в изучаемом обществе именно парной семьи. По-видимому, на доминирование у них родовых связей над семейными узами указывает и локализация отдельных групп погребений мужчин, представляющих локализованные части отдельных родов.

Нами был предпринят также анализ истории формирования могильника. Коснемся некоторых фактов, выявленных в ходе этого анализа. Как мы уже отмечали, самой древней частью могильника, очевидно, является IX раскоп. Тут могилы расположены наиболее плотно; восточную часть раскопа занимают мужские, а западную женские, что, очевидно, при первых захоронениях мыслилось как раздельное погребение. В центральном раскопе преобладают мужские погребения с восточной ориентировкой; но в крайней северо-восточной его части имеются мужские погребения и с западной ориентировкой, непосредственно примыкающие к соседнему, XII раскопу, где преобладают мужские погребения с той же ориентировкой. Логично предположить, что расширение могильника в восточном направлении (XII и XI (?) раскопы) шло преимущественно за счет тех, которые соблюдали традицию западной ориентировки (рис. 1). Но в таком случае естественно предположить, что та часть населения, близкие которых погребены головой на восток в центральной части могильника, продолжала хоронить своих сородичей на площади VI (и V?) раскопов, где представлены мужские погребения только с восточной ориентировкой. Отсюда возможен вывод, что на площади IX и смежных с ним XII (и XI) и VI (и V) раскопов похоронены люди двух последовательно сменяющихся поколений.

Анализ возрастного состава погребенных на отдельных раскопах показал, что в древней части могильника (раскопы VIII, IX) возраст мужчин к моменту смерти составлял в среднем 37 лет, тогда как у погребенных к востоку (XI, XII раскопы) и западу (V, VI раскопы) от древней части могильника средняя продолжительность жизни была значительно ниже и равнялась 27 и 31 году соответственно.

По-видимому, такая небольшая продолжительность жизни у второго поколения людей, оставивших Кивуткалнский могильник, была вызвана какими-то неестественными причинами смерти. В этой связи представляет интерес индекс маскулинизации, который равняется 2,3. Иными словами, число погребенных мужчин в целом на могильнике более чем вдвое превышает число женщин. В этой связи следует отметить, что индивидуальные детские захоронения обнаружены на разных площадях могильника, в том числе и в центральной части. Напротив, на территории V и VI раскопов их нет. На площади XII раскопа детские могилы обнаружены только в непосредственной близости от погребений двух мужчин (или между ними). Эти два погребения выделяются тщательной каменной выкладкой могильных ям (погр. 143, 150), что указывает, очевидно, на особое социальное положение похороненных в них людей. Весьма вероятно, что здесь погребены военные вожди и их дети. Отсутствие детских погребений на площади V и VI, а также XI и XII раскопов (за

⁹ Бутинов Н. А. Указ. раб., с. 136—137; Крюков М. В. Дает ли система брачных классов ключ к разгадке «австралийской контроверзы». — Сов. этнография, 1974, № 3, с. 69.

¹⁰ Соколова З. П. Брачный возраст у хантов и манси в XVIII—XIX вв. — Сов. этнография, 1982, № 2, с. 67—71.

исключением тех, которые, возможно, связаны родством с военными вождями) может свидетельствовать о погребении здесь воинов. В пользу этого предположения говорит и то, что на площади XII раскопа обнаружен кенотаф и захоронение в обычной могильной яме только головы. Это же объясняет низкую продолжительность жизни похороненных здесь мужчин.

Следовательно, есть достаточные причины низкую продолжительность жизни у погребенных на площади V, VI и XI, XII раскопов считать следствием военных столкновений, которые здесь имели место при жизни второго поколения основателей могильника. Возможно, юноши, достигшие возраста воинов (18—30 лет), не вступали в брак и оставались холостыми. Это в свою очередь могло явиться одной из причин значительного преобладания мужских погребений над женскими.

Причины военных столкновений могли быть обусловлены географическим положением и выгодными экологическими условиями, в которых находились родовые общины, обитавшие в низовье Даугавы. Эта река служила удобным путем для передвижений и являлась богатым источником пищевых ресурсов. Сочетание подсечно-огневого земледелия с рыболовством, вероятно, обеспечивало проживающим здесь родовым общинам продолжительную оседлость¹¹. Следует учесть, что родовые общины, оставившие Кивуткалнский могильник, по-видимому, являлись местными жителями всего лишь в третьем или четвертом поколении. Таким образом, их предки были иммигрантами, потеснившими аборигенов (возможно, охотников и рыболовов), которые время от времени могли устраивать военные набеги с целью грабежа или захвата территории, о чем свидетельствуют многочисленные этнографические данные¹².

Значительный интерес представляет микротопография детских погребений. В целом они размещены по всей территории могильника и редко связаны с погребениями взрослых. В этом отношении исключение составляют только некоторые детские погребения «в ногах» или еще реже рядом с погребением взрослого, что, возможно, указывает на близкое родство (дети и родители). Помимо детских погребений, «разбросанных» по всей территории могильника, имеется несколько «гнезд», где погребены только дети. Среди последних выявляется раздельное захоронение детей первого и второго периода детства, что указывает на соблюдение в обществе, оставившем могильник, традиции деления детей на два класса.

Одно «гнездо» детских могил, погребенных в возрасте до года, выявлено на площади I раскопа. Второе скопление детских погребений, содержащих останки детей до 3 лет, вскрыто на площади VIII раскопа (рис. 2). Обособленная территория детских погребений («детское кладбище») расположена в центре могильника; по количеству погребенных и занимаемой площади она превосходит две предыдущие. Здесь (в юго-западной части VI и южной части IX и XII раскопов) детские погребения размещены широкой полосой, тянущейся с запада на восток. Эта часть могильника, отведенная, по-видимому, специально для детских погребений при закладке могильника, визуально выявляется не сразу по той причине, что здесь среди детских могил расположены и погребения взрослых, которые, однако, следует считать более поздними, так как ими частично перекрыты детские захоронения.

Западная часть «детского кладбища» наиболее древняя. Здесь расположена половина детских могил, вскрытых на нем, и содержащих останки детей в возрасте до 3 лет, реже до 7—8 лет. Захоронения детей 9—10 лет и старше обнаружены в четырех погребениях IX и XII раскопов (погр. 64, 151, 156, 158), расположенных неподалеку одно от другого (рис. 2).

¹¹ Карнейро Р. Л. Переход от охоты к земледелию.— Сов. этнография, 1969, № 5, с. 72—76.

¹² Шнирельман В. А. Этнокультурные контакты и переход к производящему хозяйству (по материалам Африки и Азии).— Сов. этнография, 1982, № 2, с. 29, 38; Карнейро Р. Л. Указ. раб., с. 75—76.

Одна группа детей-подростков в возрасте от 8—9 лет погребена на территории XIII раскопа (погр. 161—171, 192, 237). Группа подростков в возрасте 10—16 лет найдена в погребениях северной части VI раскопа (погр. 69, 71, 72).

Поскольку на площади VI и XIII раскопов среди захоронений взрослых обнаружены только мужские, можно предположить, что и погребенные здесь подростки — мальчики (на это указывает и выраженная массивность ключицы и длинных костей у некоторых подростков).

Судя по возрасту детей, погребенных компактными группами, есть все основания считать, что родовые коллективы соблюдали деление детей на возрастные группы. Возрастной рубеж, очевидно, проходил между 7—8 и 8—9 годами. По-видимому, подростки после 8 лет переходили в следующую за первым детством возрастную категорию, но в социальном плане они не считались взрослыми, так как их погребения еще образуют отдельные группы, которые иногда окружены захоронениями взрослых (XIII раскоп).

Основываясь на этнографических свидетельствах, можно предполагать, что этот переходный период длился несколько лет, после чего подростки становились совершеннолетними — полноправными членами общества и воинами. По данным топографии могил детей и подростков можно считать, что период инициации мальчиков у родовых общин кивуткалнского населения длился несколько лет. На это указывает то обстоятельство, что подростки в возрасте от 8 до 14 лет погребались вместе на обособленной площади могильника изолированно от детей, не достигших 7—8 лет. Погребения же юношей (с 16 лет и старше) чаще расположены рядом с погребениями взрослых мужчин. По-видимому, юноши в возрасте 16 лет (а возможно, и раньше — после 14 лет) уже имели статус взрослого мужчины. Точно определить ту возрастную грань, переступив которую юноша становился в социальном смысле взрослым, не удается, так как в большинстве случаев возраст нами определялся с точностью до 2—3 лет. Так, некоторые подростки, возраст которых определен в пределах 14—15 лет, погребены отдельно от взрослых, но имеются 14-летние подростки (где возраст выявлен с точностью до 1 года), одиночные могилы которых расположены среди взрослых (погр. 12).

Данные этнографии свидетельствуют, что у одних племен мальчики подвергаются инициациям начиная с 8-летнего возраста, у других — на 11-м или 12-м году жизни, у третьих — в возрасте 9—16 лет¹³.

Обряды инициации были обязательными для всех подростков и проходили у мальчиков и девочек раздельно. В период инициаций осуществлялось отчуждение подростка от матери, означавшее переход в род. Н. А. Бутинов пишет: «Носителем семейного начала является женщина, а родового — мужчина. Поэтому переход из семьи в род мыслится как отчуждение подростка от женщины и приобщение его к миру мужчин»¹⁴. Погребение мальчиков-подростков в той части могильника, где хоронили только мужчин, по-видимому, достаточно убедительно указывает на происходившее в изучаемом нами обществе социальное отчуждение мальчиков-подростков от женщин и приобщение к миру мужчин.

Как известно, у охотников и рыболовов существовала традиция погребения детей отдельно от взрослых, иногда даже в специальных детских могильниках¹⁵. У них был также распространен обычай умерщвления какой-то части детей младенческого возраста, поскольку в условиях кочевого образа жизни женщина не могла нести на руках более одного ребенка.

Судя по тому, что в Кивуткалнском могильнике погребения детей в возрасте первого детства можно встретить не только на специально отведенной для этого площади, но и по всему могильнику, можно предположить, что общество, хоронившее своих близких в Кивуткалнском мо-

¹³ Токарев С. А. Ранние формы религии. М.: Наука, 1964, с. 232—234.

¹⁴ Бутинов Н. А. Указ. раб., с. 136.

¹⁵ Хлобыстин Л. П. Проблемы социологии неолита Северной Евразии. — В кн.: Охотники, собиратели, рыболовы. Л.: Наука, 1972, с. 36.

гильнике, изживало старые внутриобщинные социальные связи по отношению к детям и переходило на новую ступень стабилизации общественных отношений внутри родовых общин.

В этой связи представляет интерес количественное соотношение женских и детских погребений изучаемого могильника, которое характеризуется индексом 2,3, что указывает на такое положение, при котором у каждой женщины из всех родившихся детей умирало по крайней мере двое. В этом случае для поддержания существовавшей численности популяции каждая женщина должна была родить не менее 4—5 детей, что согласуется с этнографическими данными.

Основываясь на естественном соотношении численности женщин и детей, погребенных в могильнике, можно считать изжитыми обычаи умерщвлять детей или хоронить их за пределами кладбища взрослых членов коллектива. Наоборот, в изучаемом обществе были уже достаточно прочными социальные связи взрослых и детей. Эволюцию взглядов на положение детей в обществе ранних земледельцев, по-видимому, следует объяснить складывавшимися производственными отношениями внутри родовых коллективов и новым образом жизни. С возникновением производящего хозяйства расширилась сфера приложения детского труда. Дети могли работать в огороде, пасти скот и выполнять многие другие обязанности, что способствовало изменению социального положения детей в родовых общинах. Это вместе с оседлостью и появлением более постоянных источников продуктов питания у ранних земледельцев, очевидно, и привело к перестройке внутриобщинных социальных связей и отношения к детям.

Таким образом, выявленная связь половозрастных данных с топографией погребений позволяет считать характерной для изучаемого нами общества возрастную градацию с восьмилетним интервалом. Это достаточно отчетливо прослеживается для первых двух возрастных классов — детей и подростков. Весьма вероятно, что интервал той же продолжительности был характерен и для последующих возрастных групп. На территории XI—XII раскопов возраст погребенных (по нашему мнению, воинов) колеблется в пределах 19—28 лет, что в целом соответствует третьему возрастному классу (17—24 года). В этом случае четвертая возрастная группа должна была бы включать индивидуумов в интервале 25—32 лет. Если учесть, что средняя продолжительность жизни взрослого мужского населения кивуткальской популяции равнялась приблизительно 35 годам, предполагаемая нами восьмилетняя градация (5×8) возрастных групп изучаемого общества не лишена основания, тем более что такому делению имеются аналогии и в этнографическом материале¹⁶.

Продолжая анализ топографии детских погребений, следует остановиться еще на одном весьма существенном вопросе, касающемся отношений родства. Как уже отмечалось, многие могилы, содержащие останки детей в возрасте до 7—8 лет, рассредоточены по всему могильнику. Большинство одиночных погребений детей никак не связано с близлежащими погребениями взрослых индивидуумов. Однако в некоторых случаях все же прослеживается достаточно определенная связь с могилами взрослых индивидуумов. В первую очередь это относится к двойному и, по-видимому, одновременному захоронению мужчины с ребенком на площади VI раскопа (погр. 79). Могила взрослого мужчины 28 лет имеет глиняную обмазку, поверх которой погребен ребенок в возрасте трех лет. На площади XII раскопа находятся недалеко одна от другой две могилы взрослых мужчин, которые выделяются среди всех остальных погребений могильника. Здесь мужчины в возрасте 25—30 и 33 лет погребены в дубовых колодах, а могильные ямы полностью выложены валунами небольших размеров. Поверх дубовых колод также имелась кладка из камней. Вблизи этих могил, а также и между ними расположено несколько погребений детей в возрасте 7—8 лет и только в

¹⁶ Калиновская К. П. Возрастные группы народов Восточной Африки. Структура и функции. М.: Наука, 1976, с. 37—43.

одном случае — 14 лет. По-видимому, тщательная каменная выкладка могильной ямы в двух упомянутых мужских погребениях указывает на особое социальное положение погребенных. Не исключено, что это погребения вождей. Расположенные возле них детские погребения, возможно, указывают на кровное родство. Как свидетельствуют этнографические данные, кровное родство по отношению к детям осознавалось и соответственным образом реализовывалось в первую очередь среди вождей.

Другую категорию детских погребений составляют те, которые вплотную примыкают к погребениям взрослых (могилы детей находятся непосредственно «в ногах» захоронений взрослых или рядом с ними). Во всех этих случаях детские погребения связываются с мужскими. Исключение составляют три группы компактно расположенных могил (II и IX/X раскопы), где детские погребения примыкают как к мужским, так и к женским. Но эти погребения образуют обособленные группы; возможно, это связано с одновременными захоронениями, и поэтому их в данном случае нельзя принимать в расчет.

Основываясь на топографии погребений, можно выявить определенную зависимость между некоторыми захоронениями мужчин и детей, указывающую, вероятно, на существовавшую между ними родственную связь (поколения отцов—детей). Установленная нами связь между мужскими и детскими погребениями позволяет предполагать, что у родовых общин, оставивших Кивуткалнский могильник, был патрилинейный счет родства.

Возникновение патрилинейного счета родства иногда связывается с переходом от материнского рода к патриархальному: «... материнский род прекращал свое существование с появлением патрилокальных и патрилинейных семей, которые, разрастаясь и объединяясь друг с другом, образовывали основы патриархального рода»¹⁷. Патриархальный род был представлен большими патриархальными семьями и патронимиями. Ентрисемейные связи в патриархальных семьях являлись более тесными и многообразными, чем в парных семьях, что, по нашему мнению, должно было получить отражение и в микротопографии погребений. В нашем же случае, характер расположения мужских, женских и детских погребений не дает никаких оснований для реконструкции сколько-нибудь тесных семейных связей, так как подавляющее большинство погребений на Кивуткалском могильнике индивидуальные — мужчины и женщины похоронены раздельно. К тому же возникновение патриархального рода связывается с накоплением частных богатств и с имущественным расслоением, что ведет к имущественному и социальному вычленению отдельных семей, а это в свою очередь должно было бы отразиться в погребальном обряде и расположении мужских, женских и детских погребений (как это отчетливо прослеживается на изучаемой территории в более поздних могильниках). Характер же погребального обряда и скудный набор предметов, сопровождающих погребения Кивуткалнского могильника, не дают оснований говорить о сколько-нибудь существенном имущественном расслоении изучаемого нами общества. Исходя из данных Кивуткалнского могильника, есть основание предполагать лишь обычную для родовых общин социальную стратификацию — выделение старейшин и вождей.

Таким образом, выявленный нами патрилинейный счет родства у общества, оставившего Кивуткалнский могильник, по-видимому, связан не с патриархальным, а с отцовским родом. Переход же к патриархальному роду на рассматриваемой территории, очевидно, следует соотносить с более поздним временем — с эпохой железа и, возможно, с переходом к плужному земледелию.

Более сложным представляется вопрос о времени появления на изучаемой территории отцовского рода. Фактические данные по этому вопросу в нашем источнике, естественно, отсутствуют. Однако здесь следу-

¹⁷ Первобытное общество. Основные проблемы развития. М.: Наука, 1975, с. 99.

ет учесть то обстоятельство, что части рода, представленные мужскими погребениями, локализованными на отдельных участках могильника, были из пришлого населения, мигрировавшего в низовье Даугавы в эпоху бронзы. По-видимому, это были ранние земледельцы, и для них, очевидно, и был характерен отцовский род. Поэтому вопрос о древности отцовского рода на изучаемой территории следует соотносить с местным населением, которое в нашем случае представлено женскими погребениями, генетически связанными с местными неолитическими племенами. К сожалению, на этот вопрос нельзя дать прямого ответа. Данные Кивуткалнского могильника свидетельствуют лишь о том, что для местных женщин было характерно патрилокальное брачное поселение. Было ли это для них давним явлением или же они пережили определенную перестройку в семейно-брачных отношениях, остается неизвестным. Можно лишь сослаться на мезолитические погребения в Звейниеки, где найдено парное захоронение мужчины с ребенком, возможно, указывающее на существовавшую и в столь отдаленное от нас время традицию счета родства по отцовской линии.

Итак, для реконструируемого нами общества были характерны отцовско-родовые общины с патрилинейным счетом родства, патрилокальным брачным поселением и парной семьей.

Б. В. Соколов

ИММИГРАНТСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ЮЖНО-АФРИКАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ *

Южно-Африканская Республика (ЮАР, до 1961 г. — Южно-Африканский Союз) — единственное государство в мире, где политика апартеида («раздельного развития» рас) официально проводится государством. Белое население страны господствует над небелым большинством, лишенным элементарных политических прав и подвергающимся дискриминации.

Иммиграция играла главную роль в формировании неафриканского населения страны вплоть до начала XX в. Затем ее роль несколько упала. Однако за 1960—1980 гг. положительное сальдо миграций населения составило 455 тыс. чел. После 1960 г. в ЮАР въехало много европейцев из бывших колоний империалистических государств в Африке¹. Эмиграция превышала иммиграцию только в 1977—1978 гг. вследствие оттока белого населения в связи с кровавыми событиями в Соуэто и усилением борьбы африканского населения против режима апартеида.

Иммиграционная политика и предоставление гражданства Южно-Африканской Республики определяются законами 1937, 1949 и 1978 гг. С 1961 г. проводится политика поощрения иммиграции, распространяющаяся только на белых. После второй мировой войны был практически запрещен въезд в страну выходцев из Азии (в 1946—1971 гг. их прибыло лишь 7 тыс.)². Для получения гражданства иммигрант должен прожить в ЮАР пять лет, овладеть одним из двух государственных языков (английским или африкаанс) и обладать «хорошим характером».

Остановимся на этнических группах иммигрантского населения ЮАР.

Африканеры. Современные африканеры — это народ, образовавшийся из потомков голландских поселенцев и ассимилированных ими вы-

* В статье мы рассматриваем группы выходцев из Европы и Азии, переселившиеся в Южную Африку в XVII—XX вв., а также их потомков.

¹ South Africa 1979. — Official Yearbook of the Republic of South Africa. Johannesburg, 1979, p. 294, tab. 2; Южно-Африканская Республика. Экономический справочник. М.: Наука, 1982, с. 250 (табл. 3).

² South Africa 1979, p. 27, 285.